
Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций

М.А. ШАБАНОВА

В статье анализируются основные особенности современного институционального пространства российского общества. Институциональные трансформации рассматриваются как результат устойчивой взаимосвязанной деятельности социальных субъектов самых разных уровней: макро-, мезо-, микро. Стремясь реализовать свои цели и интересы, они используют доступные в их социальной позиции ресурсы и вносят свою лепту в формирование новых или сохранение старых прав и правил игры. Особое внимание уделяется роли в институциональных изменениях субъектов микроуровня. Массовые адаптационные стратегии оцениваются с точки зрения их воздействия на ход и перспективы институциональных трансформаций. Новые права стали важным атрибутом нового институционального пространства, однако если судить по доминирующим моделям адаптационного поведения, глубина институциональных трансформаций отнюдь не такова, как могло бы показаться, если исходить из формальных признаков. Современное институциональное пространство напоминает западное больше по форме, чем по содержанию. Но есть ли «свет в конце тоннеля»?

1. Индивиды и домохозяйства в новом институциональном пространстве: новые возможности и новые ограничения

Любые кардинальные преобразования в обществе предполагают изменение институционального пространства, которое в значительной степени определяет спектр возможного выбора (формального и неформального) целей социальных субъектов, а также способов (и издержек) достижения этих целей. В процессе реализации этих целей (или вынужденного отказа от их реализации) социальные субъекты вступают в определенные социальные взаимодействия, доступными им способами влияя на формирующиеся правила игры, которые могут как соответствовать официально провозглашенным, так и отклоняться от них. Новые правила игры могут расширять экономическую, политическую и прочие свободы граждан (т.е. доступный им выбор в распоряжении своими усилиями,

доходами, богатством, временем; возможности в выборе жизненных целей и средств их достижения и пр.), а могут — и сужать их; они могут создавать возможности для одних субъектов и блокировать их для других. По-разному реагируя на новую ситуацию, — поддерживая институциональные инновации или противодействуя им, оценивая их как временные или как устойчивые, как легитимные или нелегитимные, — разные социальные субъекты вносят свой вклад в конечные результаты институциональных преобразований. В этом сложном клубке столкновения множества разных интересов и воля, переплетения инновационных и инерционных механизмов, присутствующих в любых меняющихся общественных системах, постепенно кристаллизуются новые правила игры, воспроизводятся или частично видоизменяются старые правила. И именно эти — уцелевшие, скорректированные и неформально сложившиеся — правила игры (как новые, так и старые) цементируют новое институциональное пространство, которое, в свою очередь, воздействует на спектр возможного выбора целей и моделей поведения по их достижению в следующий момент времени.

Какие же изменения *действительно* произошли в институциональном пространстве в ходе современных общественных преобразований? Как они воздействуют на решения по адаптации к новым условиям, которые принимают массовые общественные группы? И как *массовые* адаптационные стратегии, в свою очередь, сказываются (и сказываются ли?) на особенностях и перспективах институционализации новых правовых и неправовых норм?

Характеризуя изменения в институциональном пространстве, с которыми столкнулись субъекты микроуровня (индивиды и домохозяйства) в ходе реформ, акцентирую следующие моменты.

1) *Произошли кардинальные изменения в системе социально-экономических*

прав. Появилась возможность создать собственное дело и вести его на свой страх и риск, право самому решать работать или не работать, право работать в нескольких местах без разрешения с места основной работы, право частной собственности на средства производства, право производителей самим определять объемы производства, цены на продукцию, размеры заработной платы. Стало возможным приватизировать квартиру, приобретать и иметь в личной собственности жилье, хранить сбережения в иностранной валюте и негосударственных банках. Облегчился выезд за рубеж, в том числе и на работу. Провозглашено право на забастовки, митинги, акции протеста. Разрешена платная медицина и платное образование, и многое другое.

Вместе с тем эти права не просто добавились к прежним, они вытеснили ряд дореформенных социально-экономических прав. В самом деле, государство больше не гарантирует ни доход в размере прожиточного минимума, ни тем более доход, обеспечивающий достойный уровень жизни. Исчезла гарантированная государством занятость, которую раньше имели жители, хотя и не всех, но все же большинства регионов страны. Утеряно право на стабильные цены, устанавливаемые государством, сузилась сфера действия права на бесплатную медицинскую помощь и бесплатное образование и др.

Этими изменениями в институционально-правовом пространстве *макроакторы*, во-первых, очертили новое поле своей текущей политико-управленческой деятельности, связанной с разработкой правовых механизмов и контролем за реализацией провозглашенных прав, а также изменением пространства и

способов управленческих воздействий. Во-вторых, они официально задали *новые правила игры* для микро- и мезоакторов: закрепленные в системе правовых норм формальные возможности выбора и достижения жизненных целей, интересов, осуществления экономической и гражданско-политической активности.

2) Преобразования экономических институтов подкрепляются демократизацией институтов политических и сами постепенно становятся важным, хотя и не необходимым, фактором дальнейшей политической демократизации. В самом деле, такие институциональные изменения в политической сфере, как возможность выборов на альтернативной основе, территориальная децентрализация управления, некоторые шаги в сторону плюрализации СМИ и создания свободных ассоциаций граждан и др., в определенных условиях в принципе способны внести существенный вклад в продвижение экономических реформ в либеральном направлении, в увязывании макро- и микроуровней общественной системы по иным правилам игры. Однако этот конструктивный политический вклад в трансформацию экономических институтов может и не быть внесен, ибо, как свидетельствует исторический опыт, между преобразованиями институтов экономических и политических нет однозначной взаимосвязи.

Так, М. Фридман заключает, что капитализм есть необходимое, но не достаточное условие политической свободы. В фашистской Италии и Испании, Германии, Японии перед Первой и Второй мировыми войнами, в царской России до Первой мировой войны господствующей формой экономической организации было частное предпринимательство, но эти страны не были политически свободными [Friedman 1992, p. 10]. Более свежий пример сочетания рынка в экономике с авторитаризмом в политике — пиночетовский режим в Чили. Неудачи реформ в России на фоне успешности экономических преобразований в Китае опровергают и тезис о необходимости установления демократии как предварительном условии утверждения рыночной экономики. В последние годы переход к рыночной экономике был более успешным именно при авторитарных режимах, поэтому можно утверждать, что рыночная экономика в принципе совместима со всеми политическими режимами [Гаджиев 1996, с. 6].

В современном российском обществе положительная взаимосвязь между трансформацией политических и экономических институтов представляется особо проблематичной в связи еще и с тем, что за демократичными по форме политическими институтами скрываются далеко недемократичные социальные реалии. Выборы на альтернативной основе сочетаются с манипулированием поведением избирателей, давлением на кандидатов и неверием больших групп избирателей в честность подсчета голосов. Территориальная децентрализация управления нередко граничит с феодализацией страны из-за слабого развития структур гражданского общества, местного самоуправления и др. «Свободные» СМИ активно отстаивают интересы своих владельцев, а добровольные ассоциации граждан, отстаивающие универсальные цели, малочисленны и слабы [Стратегия 2000, с. 16—17].

3) Неактуальность и нелегитимность для большей части индивидов провозглашенных институционально-правовых изменений. Если «административно-командные» правила игры большинством советских граждан воспринимались как легитимные (которые, как только возникнут «узкие места», при желании можно усовершенствовать) и отторгались очень немногими, то к провозгла-

шенным в ходе реформ социально-экономическим и политическим правам большая часть граждан оказалась в лучшем случае индифферентной. Особенно велика эта доля в селе. Так, 42 % опрошенных нами жителей сибирских сел* утверждает, что их вполне устраивали прежние права, и никакие из новых прав им не нужны. Взятое в отдельности ни одно из провозглашенных в ходе реформ прав пока не является значимым для большинства селян. Максимальная поддержка составляет 29 % опрошенных (возможность приватизировать жилье), но чаще всего она не превышает 20 %. Жители крупного города демонстрируют более высокую заинтересованность в новых правах. Только 11 % из них указали, что их вполне устраивали прежние права, и никакие из новых прав им не нужны. Среди горожан гораздо большая доля сторонников всех провозглашенных в ходе реформ прав. Правда, 50 %-ный барьер преодолело только право приватизировать квартиру, приобрести и иметь в личной собственности жилье (58 %), которое занимало первое место и в селе.

Ведущая роль социально-экономических прав (по сравнению с социально-политическими) поддерживается положительным откликом на право работать в нескольких местах без разрешения с места основной работы (42 %), которое в крупном городе с его многообразием рабочих мест намного актуальнее, чем в селе (15 %). Более трети (36 %) находят важным право создать собственное дело и вести его на свой страх и риск (19 % — в селе). Среди немаловажных для горожан оказались и другие социально-экономические права: частной собственности на землю (29 % против 15 % в селе) и на другие средства производства (17 % против 8 % в селе), самостоятельного решения работать или не работать (26 % против 15 % в селе), право производителей самим определять объемы производства, цены на продукцию, размеры заработной платы (22 % против 15 % в селе). 28 % сочли важным право на хорошую медицинскую помощь за счет развития платной медицины, а 10 % — право получить образование за деньги, на контрактной основе (в сельском массиве таких подсказок не было).

Таким образом, в настоящее время большая часть субъектов микроуровня находит значимыми те или иные новые права, в то время как другая (также весьма многочисленная) находит их неважными и ненужными. Первых больше в городе, вторых — в селе. В крупном городе отчужденность от новых экономических прав менее заметна за счет «делающих погоду» двух прав: возможности приватизировать жилье и права работать в нескольких местах без разрешения с основной работы. *Неактуальность провозглашенных в ходе реформ прав — серьезный барьер для их институционализации и важный фактор формирования неправовых норм социальных взаимодействий.*

4) Ослабился контроль со стороны государства за соблюдением правовых норм; власти разных уровней сами активно нарушают законные права рядовых граждан. Провозглашение новых прав, которые должны были бы охраняться государством по времени, напротив, совпало с ослаблением его роли в защите как новых, так и унаследованных от прежней общественной системы прав.

* Здесь и далее приводятся данные серии социологических обследований, проведенных в городской и сельской местности Новосибирской области в 1998—1999 гг. Выборка (город — 602 чел., село — 340 чел.) репрезентирует генеральную совокупность по полу и возрасту трудоспособного населения.

В результате новые права сегодня реализуются в условиях отсутствия надежных институциональных механизмов защиты интересов не только слабых, но и сильных социальных групп, роста произвола, вседозволенности, безнаказанности. Так, только 1,5 % респондентов трудоспособного возраста за последние 3—4 года не сталкивались с ущемлением своих прав. Причем большая их часть (42 %) указала, что в современных условиях законные права нарушаются чаще, чем до реформ (26 % — что примерно так же и только 5 % — что реже).

Более того, в современных условиях власти разных уровней сами нарушают законные права граждан и даже солидаризируются друг с другом в разного рода неправовых взаимодействиях: незаконном расходовании бюджетных средств, заключении заведомо убыточных для России договоров, продаже на невыгодных условиях объектов госсобственности, принятии «неправовых законов» и пр. Так, по результатам проверки Рострудинспекции предприятий, где задерживалась зарплата (1996 г.), уголовные дела за незаконные задержки возбуждены лишь в 1% случаев. А в следующем году в новом Уголовном кодексе (1997 г.) наказание за задержку зарплаты и вовсе было отменено.

Как показало наше исследование, среди нарушителей законных прав безусловно лидируют центральные власти: на них указали 59 % респондентов. Следом идут руководители предприятий, организаций, фирм (45 %), местные органы власти и органы правопорядка (милиция, ГИБДД, прокуратура и др.), набравшие равное число голосов (по 35 %). Сегодня ситуация такова, что среди нарушителей прав граждан органы правопорядка встречаются почти вдвое чаще, чем нарушители правопорядка, с которыми они призваны были бороться. В целом с нарушением прав властями разных уровней за последние 3—4 года столкнулись 89 % респондентов.

Лишь незначительно уступает им частота нарушения прав в преимущественно *горизонтальных* социальных взаимодействиях, участники которых формально не связаны отношениями господства-подчинения (83 %). Среди последних безусловно лидируют работники торговли и других учреждений сферы обслуживания (51 %), на втором месте — работники жилищно-коммунального хозяйства (33 %), на третьем — негосударственные финансовые организации (банки, фонды), а также работники здравоохранения, набравшие соответственно 28 % и 26 % голосов.

В среднем каждый респондент называл 3—4 субъектов (вертикальных и горизонтальных), нарушавших за последние 3—4 года его законные права. Виды и формы нарушения прав также многообразны. Абсолютное большинство (85 %) называют экономические нарушения и ущемления, а именно: несвоевременность выплаты заработной платы, пенсий, пособий (66 %), утрату денежных сбережений, хранившихся в банках (44 %), а также кабальные налоговые законы (22 %). Почти половина (47 %) сослалась на общую разрушительную политику «верхов» в стране как нарушающую их права, 34 % — на невыполнение обязательств, обман со стороны властей (например, расчет за произведенную по государственному заказу продукцию и др.), 21 % — на бессилие властей в защите законных прав рядовых граждан и почти столько же (19 %) — на нежелание властей делать это.

На этом фоне своеволие чиновников, — будь то необоснованные запреты и задержки прохождения дел во властных органах или вымогательство денег, подношений, услуг за решение вопроса, на что указали 8 % и 6 % ответивших

— казалось, выглядят чуть ли не завоеванием нового времени. Однако, по нашим данным, за защитой (сохранением) своих прав в местные и центральные органы управления обращались всего лишь 12 % и 2 % респондентов соответственно. Иными словами, с произволом чиновников столкнулся более чем каждый второй из числа обратившихся в органы власти.

На уровне предприятий (организаций, фирм), вслед за нарушениями прав в области оплаты труда, идет несоблюдение руководством законов в области режима, условий труда, техники безопасности (17 %), угрозы или «мирный» предлог для увольнения в ответ на попытку отстоять законные права (13 %) или же уже случившееся несправедливое увольнение с работы (8 %). Неслучайно поэтому почти половина работающих респондентов (48 %) сегодня чувствуют себя более зависимыми от руководителя предприятия (организации, фирмы), чем это было до реформ.

В условиях роста преступности, а также произвола, безнаказанности, бездействия и бессилия властей как сильные, так и слабые социальные субъекты мало рассчитывают на обращение к властям как способ защиты своих прав даже тогда, когда защита этих прав входит в компетенцию власти. Так, в сельской местности на *потенциальную* помощь местных властей в настоящее время рассчитывает лишь 6 % респондентов, а в городе — и того меньше — 3 %; на центральные власти надеются соответственно 2 % и 1 %, а на правоохранительные органы — 8 % и 12 %. *Реальная* помощь встречается еще реже. В то же время самостоятельная защита своих прав в большинстве случаев (73 %) безуспешна, особенно если субъектами правонарушений выступают власти разных уровней.

В результате в настоящее время *неправовые социальные взаимодействия* — устойчивая, постоянно воспроизводящаяся часть системы социальных взаимодействий. Они достаточно прочно интегрированы в современный трансформационный процесс, в формирующуюся систему общественных отношений и стали важным элементом нового институционального пространства.

5) Ослабилась не только вертикальный, но и горизонтальный контроль за правильностью исполнения ролевых ожиданий. В периоды кардинальных общественных преобразований межгрупповые различия в нормативных системах особенно возрастают: разные социальные группы имеют весьма различные представления о том, за какие правовые и моральные рамки не должны выходить взгляды и модели поведения других групп, равно как и их собственные, какие способы социальных действий заслуживают наказания (порицания), а какие — нет. Новые ролевые рамки и правила игры еще не окрепли, что делает ролевую систему *меняющегося, нестабильного* общества слабым гарантом соблюдения провозглашенных прав и правил игры. Типичное для многих ролей поведение еще окончательно не оформилось, а если и оформилось, то нередко не совпадает с формально ожидаемым. Во всяком случае, в нем велика доля «личностного» и «временного» элементов. Большая вариантность, которая допускается сегодня в выполнении определенных социальных ролей, отчасти связана с особенностями переходного периода. Процесс институционализации новых ролей (и старых ролей в новых условиях) еще не закончен, так что «потенциальные игроки», намеревающиеся вступить в игру, действуют в условиях большой неопределенности: они либо не знают всех правил, либо, зная, не всегда могут рассчитывать на них.

Увеличиваются и несоответствия между ценностными ориентациями индивидов и теми социальными нормами, которым они вынуждены следовать. Поскольку новые ролевые ожидания не соответствуют правовым и моральным нормам, которые разделяют многие индивиды, ролевые отклонения не сказываются отрицательным образом ни на оценке индивидами самих себя, ни на оценке их «значимыми другими».

По данным наших обследований в восточных регионах страны, более частое нарушение правовых норм вообще становится одним из основных, видов реактивно-адаптационного поведения (термин Т.И. Заславской [Заславская 1997]) разных групп населения к тем условиям, в которых они оказались в ходе реформ. В частности, мелкие хищения с производства, с совхозного поля, стройки основной частью (65 %) сельского населения, не получающего зарплату от полугода до 2 лет, не осуждаются: «Нечем кормить детей, с голоду им, что ли, помирать?!»; «Пусть берут побольше, все равно это ихнее, они больше ничего не получают— работают за так»; «Осуждать их не надо— их правительство к этому привело [воровать, грабить]»; «Рабочего не осуждаю, а начальство— осуждаю: они не за кусок хлеба тянут»; «Тут сумочку возьмешь, а они [начальство] машинами везут». В крупном городе таких 62 %. Другие исследователи также фиксируют хорошую осведомленность населения о незаконных способах достижения желаемых целей, готовность воспользоваться ими и включенность в них [Меджеский, Гирич, Мизерий, Радаев; Рывкина].

Пока еще включение в неправовые социальные действия повышает внутренний дискомфорт у больших групп населения (по крайней мере, у половины) и обостряет проблему социальной адаптации к этой ситуации: «Стыдно, но жить-то надо. Вот дотации последнее, с чем останемся— не знаем». В то же время многие респонденты (на селе более 2/5) хотят, чтобы их дети и внуки не испытывали этого «комплекса вины», критически относились к законам и, если нужно, не боялись отступать от них, ибо «законные решения редко решают человеческие проблемы». Выжившие в неправовом социальном пространстве предприниматели не только научились, но и уже привыкли утаивать доходы («это стало делом чести»; «государство сильнее, а бизнес— хитрее»). Иными словами, отклонение от правовых норм постепенно становится «неписаной нормой» новой системы для представителей самых разных социальных групп, проникает в институты социализации молодого поколения.

б) Воспроизводство «административно-командных» правил игры в новых условиях. Даже если бы провозглашенные реформаторами цели совпадали с реализуемыми ими на практике, элементы инерционности, которые сопутствуют трансформациям любых общественных систем, неизбежно внесли бы определенные коррективы. В самом деле, в современных условиях в «новых» правилах игры нередко обнаруживают себя старые — унаследованные от административно-командной системы модели отношений в проблемных ситуациях. Взаимоотношения равноправных субъектов подменяются личными договоренностями (улаживаниями), когда одна сторона «просит», «умалывает», «подносит», а другая — «соизволяет», «делает милость», «повелевает», «постановляет». Показателен в этом отношении опыт бывшего вице-премьера правительства РФ, курировавшего сельское хозяйство, А. Заверюхи. Он на себе испытал все чиновничьи преграды, решив после отставки заняться фермерством: «4 месяца пришлось потратить, чтобы получить все бумаги. В бытность работы в Москве я знал, что

чиновники чинят фермерам преграды, но чтоб такие... Каждый хочет показать, что он тут самый главный». Последнюю необходимую подпись у директора хозяйства А Заверюха получил лишь после того, как прибегнул к физической угрозе [Аиф, 1998, № 11, с.6].

Воспроизводству прежних моделей социально-экономических взаимодействий содействует, в частности, то, что властные элиты в ходе реформ в значительной степени сохранили свой состав. Кроме того, состояние производственной, инфраструктурной, финансовой и расселенческой подсистем таково, что они сами являются благоприятствующими факторами для воспроизводства в новых условиях старых (административно-командных) отношений — как на низших, так и на верхних уровнях властной иерархии [Шабанова, с. 299—303]. В настоящее время из 89 регионов 79 — дотационные, что вынуждает губернаторов, как и прежде, приезжать в Москву к распределяющим деньги чиновникам «на поклон» [Собянин, с. 4].

7) Слабость протестного потенциала рядовых экономических субъектов, столкнувшихся с нарушением формальных «правил игры». Вопреки расхожему мнению о правовой пассивности российских граждан, 66 % из их числа все же предпринимали какие-либо действия по восстановлению своих законных прав (против 33 % даже не пытавшихся что-либо сделать). Однако у абсолютного большинства их числа (73 %) эти действия были чаще всего или всегда безуспешными. Успех чаще сопутствовал тем, кто подвергся нарушению своих прав не в вертикальных, а в горизонтальных социальных взаимодействиях. Отстоять же законные права, если их нарушают руководители того или иного уровня, удавалось немногим: только 2—3 % респондентов — в случае нарушения права на своевременность выплаты заработной платы или детских пособий; только 14 % — в случае несправедливого увольнения или угроз увольнения в ответ на попытку заявить о своих законных правах; только 8 % — в случае несоблюдения руководством законов в области режима, условий труда, техники безопасности. Из числа же пострадавших от незаконных действий органов правопорядка сумели восстановить свои законные права лишь 6 %.

Одна из причин пассивности одних и безуспешности правозащитных действий других состоит в том, что субъектами правонарушений в большом числе случаев, как уже говорилось, являются *власти* разных уровней, а противостояние им (даже законное), как не без оснований считают респонденты, либо бесполезно, либо/и небезопасно и может быть сопряжено со многими значимыми потерями, незащищенностью, ростом жизненных препятствий и трудностей. Так, почти 3/4 респондентов уверены в том, что если их законные права нарушит человек, у которого больше власти, чем у них, то отстаивание этих прав еще более ухудшит их положение.

Другая причина состоит в том, что в современных условиях очень часто индивиды, вынуждены отстаивать свои права самостоятельно, не рассчитывая на помощь тех, в чьей компетенции защищать эти права. В результате 43 % из числа пытавшихся восстановить ущемленные права указали, что им никто не помог сделать это, хотя они и нуждались в такой помощи (против 11 % самостоятельно отстоявших свои права и заявивших, что они и не нуждались ни в чьей помощи). Вообще, защита своих прав сегодня — дело индивидуально-семейное и часто неформальное. Наиболее массовые помощники — друзья и родственники (26 % и 25 % соответственно).

Слабость (отсутствие) организованных социальных движений за права человека и работника также вынуждает значительное большинство населения доступными им способами *приспосабливаться* к новой ситуации. Опросы общественного мнения постоянно фиксируют тенденцию к адаптации как *наиболее массовую и наиболее привычную*: «средний», «массовый» человек другого ориентира не имеет даже в условиях самых острых кризисов и катастроф [Левада 1999, с. 125].

8) Нестабильность, изменчивость «правил игры», их непрозрачность, доминирование неформальных «правил игры» над формальными. Эта важная черта современного институционального пространства в действительности аккумулирует ряд частных его особенностей. Первая связана с внутренней несогласованностью и нестабильностью *официальных* правил игры, обусловленной как незавершенностью перехода к институционально-правовому пространству западного образца, так и с отступлениями от первоначально заявленных «правил игры» и просчетами реформаторов.

Вторая особенность сводится к большой роли личной компоненты, что вносит элемент неопределенности и неформальности в официальные правила игры и, устойчиво воспроизводясь, становится важным атрибутом современного институционального пространства. Большая роль неформальной компоненты отчасти объясняется тем, что институциональные реформы осуществлялись верхушкой старой номенклатуры, «партийная закалка» которой обнаруживала себя в решении многих вопросов не по закону, а по прихоти. Власти разных уровней и в новых условиях демонстрировали свою волю, «царственным жестом» идя на неоправданные уступки одним и воздвигая неоправданные запреты (препятствия) другим. Эта практика сохранялась не только на местах, но и *культивировалась сверху*. Так, средства массовой информации активно транслировали всесильность Президента, который во время поездок по стране, «мог на капоте какого-нибудь трактора подписать указ о финансировании неизвестного никому заказа, неизвестно из каких ресурсов и неизвестно с какими последствиями» [«Серый кардинал», с.8].

Важным источником деформализации институционального пространства стало расширение неформальных норм социальных взаимодействий не только в теневой, но и в *официальной экономике*. Неформальные «правила игры» не только расширились, но стали доминирующими. «Наблюдения показывают, что попадая в российскую среду, любые формальные институты сразу же прорастают неформальными отношениями и личными связями. Дело обстоит так, как если бы они подверглись мутации и в результате стали неспособными выполнять свое предназначение — служить общезначимыми «правилами игры» [Капелюшников, с. 91—92]. «...Многие соглашения в российском бизнесе и политике скрепляются всего лишь рукопожатием. Они находят отражение на бумаге достаточно редко. Но эти устные контракты часто надежнее письменных, и летописца современной России не должен смущать тот факт, что документация — в западном понимании — отсутствует» [Хлебников, с. 6]. Если в странах Центральной и Восточной Европы обратное пришествие формальных регуляторов привело к сужению зоны неформальных отношений, то в России базовые формальные институты продолжают, как и прежде, функционировать по образу и подобию неформальных [Капелюшников, с. 92].

Доминирование неформальных правил игры — одна из существенных особенностей современного институционального пространства, важный фактор и ограничитель трансформации российского общества не только в ближайшей, но и в долгосрочной перспективе.

2. Институциональные изменения: структурно-деятельностная перспектива анализа

Подытожим главные особенности макроизменений в институциональном пространстве, с которыми столкнулись социальные субъекты микроуровня.

Совершенно очевидно, что, несмотря на *незавершенность* институциональных преобразований, *нестабильность* и *непрозрачность* официальных правил игры, их *нелегитимность* для большей части индивидов, современное институциональное пространство существенно отличается от дореформенного, благодаря тем шагам, которые были сделаны по формированию новых экономических и политических институтов. Вместе с тем степень продвижения к институциональному пространству западного образца отнюдь не такова, как могло бы показаться, если судить по формальным признакам тех или иных институтов, которые уже сегодня можно обнаружить в российской действительности. В современном институциональном пространстве многое из того, что официально провозглашалось, отсутствует, в то время как имеется многое из того, что не провозглашалось и с точки зрения долговременных целей общественных преобразований является нежелательным.

Наряду (и в тесной связи) с гипертрофированным развитием *неформальных правил игры*, «узкое место» состоит в том, что современное институциональное пространство российского общества пронизывает *право сильного*, которое чаще, чем в дореформенный период, (и более открыто!) проявляется в *неправовых* социальных взаимодействиях. В ходе современных реформ три основных системообразующих института общества — экономика, политика и право — подверглись преобразованиям в неодинаковой степени и неодновременно, и сегодня в самом удручающем положении находится именно право. Его отставание от других институтов не только сказывается на пределах и направлениях трансформации последних, но и снижает возможности массовых общественных групп конструктивно адаптироваться к новым условиям.

Правовой нигилизм, как принято считать, всегда был присущ российской общественной традиции. «Не я виноват, — писал В.О. Ключевский, — что в русской истории мало обращаю внимания на право: меня приучила к тому русская жизнь, не признававшая никакого права» [Ключевский 1993, с. 68]. В отличие от западной общественной и научной традиции, где «свобода есть право делать то, что дозволено законами» (Монтескье), и «мы должны стать рабами закона, чтобы быть свободными» (Цицерон), одной из характерных черт не только российской практики, но и российской мысли, напротив, было отрицательное или пренебрежительное отношение к праву [Валицкий 1991; Владимирский-Буданов 1995]. Вспомним, что в глазах славянофилов право было «внешней правдой», которая заменяет человеческую совесть полицейским надзором; Герцен рассматривал неуважение к праву как историческое преимуще-

ство русского народа, свидетельство его внутренней свободы и способности построить новый мир; русские анархисты считали право, наряду с государством, инструментом прямого насилия [Валицкий 1991, с.25]. Правовой беспредел царит и в современной реформируемой России. По сравнению с дореформенным периодом разница состоит лишь в том, что расширение свободы слова и права на достоверную информацию о состоянии дел в стране повысили уровень информированности населения о произволе и беззаконии в разных сферах жизнедеятельности и на разных уровнях иерархии. Но даже те, кто поверил, что теперь информирован действительно обо всем, сегодня признает свою правовую беспомощность: *«мы теперь всё знаем: кто сколько своровал, кто взятку взял, кто войну начал, но знаем и то, что за это никого не наказывают»*.

Выделенные особенности современного институционального пространства свидетельствуют о том, что в их формировании участвуют социальные субъекты самых разных уровней: и макро-, и мезо-, и микро-. Стремясь реализовать свои цели и интересы, они используют доступные их социальной позиции ресурсы и вносят свою лепту в формирование новых или сохранение старых прав и правил игры. Это связано с тем, что провозглашаемые властями *правовые нормы* — лишь один из элементов социального института или системы социальных институтов. Даже если эти нормы и будут охраняться властями (государственный контроль за соблюдением правовых норм — также важный элемент социальных институтов, который, впрочем, в современных условиях дает огромные сбои), они *всегда* оставляют субъектам микроуровня определенную свободу выбора действий — как в рамках этих правовых норм, так и при выходе (в том числе и безнаказанном) за эти рамки. Поэтому в реальных институциональных сдвигах велика роль еще одного элемента социальных институтов, а именно: *неформальных* норм и правил, отражающих социокультурные особенности и специфику условий жизнедеятельности *самых разных* социальных субъектов.

Зависимость современных институциональных изменений от активности акторов разных уровней (макро-, мезо- и микро-) указывает на то, что для оценки потенциала и вероятных перспектив дальнейших институциональных сдвигов более всего подходит *структурно-деятельностная* парадигма анализа. Впрочем, точного названия в современной теории эта активно развиваемая в последние годы парадигма пока не имеет (ее называют деятельностной, активистской, диалектической и др.). Однако ее отличительная особенность состоит в интеграции двух классических парадигм — структуралистской и феноменологической, бессубъектной и субъектной. Деятельностная парадигма переосмысливает само понятие социального института: *«...социальные институты — это, конечно, структуры, которые регулируют социальные связи и отношения, но они сами постоянно меняются, они не столь устойчивы, как это представлялось Э. Дюркгейму, да и К. Марксу тоже...»* [Ядов 1999, с. 313—314].

Что касается субъекта, то в деятельностной парадигме он рассматривается как комплекс определенных ресурсов. «Ресурс субъекта — это совокупность качеств, обеспечивающих не только его способность к выживанию, но и к расширению диапазона саморегуляции своего поведения, включая влияние на других субъектов» [Ядов 1999, с. 315]. Ресурсы субъекта весьма разнообразны: накопленное состояние, текущие доходы, молодость, образование и квалифи-

кация, проживание в крупном городе и др. «...Деятельностный подход формирует представление о социальном субъекте как таком, который может обладать сильным или слабым ресурсом, и он пытается использовать его, он постоянно стремится укрепить свое положение, социальный статус, расширить свое влияние в обществе, если он обладает богатым ресурсом. И таким образом субъект способен воздействовать на формирование социальных институтов, т.е. тех реальных типов отношений, которые ему в его положении представляются более выгодными» [Ядов 1999, с.315].

Таким образом, деятельностная парадигма порывает с главными положениями объективистского подхода к анализу связи между социальными институтами и социальными субъектами, сводящего социальные институты к объективным (самосоздаваемым) структурам, которые не могут быть объяснены действиями отдельных индивидов и вообще не зависят от них, от их воли. (Напротив, поступки индивидов объясняются влиянием общества, социальными институтами, нормами и правилами поведения) [Бруннер 1993, с. 58; Монсон 1994, с. 34, 41, 56, 76; Турен 1998; Giddens 1981; Collins 1985, р. 161-260; Cuff & Payne 1984, р. 24—67, и др.]. В рамках деятельностного подхода социальные институты и социальные структуры больше не объективизируются до такой степени, что уподобляются вещам-скалам, на которые, по образному сравнению П. Бергера, можно налететь, но которые нельзя ни убрать, ни преобразовать по прихоти воображения. «Вещь — это то, обо что можно тщетно биться, то, что находится в определенном месте вопреки нашим желаниям и надеждам, то, что, в конце концов, может свалиться нам на голову и убить. Именно в таком смысле общество является совокупностью «вещей». Правовые институты, пожалуй, лучше, чем любые другие социальные институты, иллюстрируют данное качество общества» [Бергер 1996, с. 87-88].

В то же время у деятельностной парадигмы много общего с субъективной, которая ставит во главу угла именно действия и поступки людей, которыми они непрерывно создают и изменяют картину общества [Монсон 1994, с. 35, 42; Collins 1985, р. 261—267, Гекер 1992]. В этой перспективе силы и институты, воздействующие на людей, «являются все-таки только социальными силами и институтами, т.е. они созданы людьми, продолжают существовать благодаря людям и отмирают, когда люди перестают ими пользоваться... правила существуют лишь постольку, поскольку люди им следуют. Слишком частое нарушение правил 1981 приводит к тому, что они быстро прекращают свое существование» [Монсон, с. 25, 71]. Иными словами, как в той, так и в другой традиции социальные институты понимаются как выражение (проявление) человеческих действий: все институционализированные образования («государство», «рынок» и др.) должны сводиться к объяснимым действиям индивидов. Следовательно, движущие силы общественных изменений больше не выносятся за рамки возможностей индивидов (как это было в объективистской модели), а непосредственно связываются с деятельностью индивидов.

Важное отличие деятельностной парадигмы от собственно субъективной видится в том, что она делает акцент на разных ресурсных возможностях субъектов и связывает эти различия не только с их личностными особенностями, но и с социоструктурными факторами или ограничениями, которые в данный момент субъекты преодолеть *не всегда в силе*. Именно поэтому, на мой взгляд,

данную парадигму точнее было бы именовать не деятельностной (активистской), а *структурно-деятельностной*.

Место субъектов микроуровня (а вместе с ними — и массовых адаптационных стратегий) в институциональных изменениях осмысливается более полно и глубоко, если обратиться к категории *социального механизма* трансформационного процесса в рамках структурно-деятельностной *теории трансформационного процесса* Т.Н. Заславской [Заславская 1995, 1997, 1999, 2000]. Эти интерпретационные возможности обеспечиваются теми *теоретико-методологическими принципами*, которые можно обнаружить в данной теории и структурно-деятельностной парадигме в целом. Основные из них следующие:

1. Органическая *увязка макро- и микроуровней* социальной реальности, что очень важно при изучении *социальных механизмов* изменения институтов и места институциональных изменений в целостном трансформационном процессе.
2. Обоснование относительной *автономности* макро- и микроуровней социальной реальности, выделения механизмов и потенциала независимости одного уровня от другого.
3. Рассмотрение *двух способов существования разных уровней социальной реальности* — в потенциальной возможности и в действительности, — что очень важно для осмысления спектра в принципе возможных траекторий и перспектив институциональных изменений.
4. Ресурсы (как потенциальные, так и реализуемые) у разных субъектов разные. Неодинаков и их вклад (возможный и реальный) в институциональные изменения.
5. Социальные (в том числе и институциональные) изменения носят *вероятностный характер*. Поле возможностей в каждый данный момент времени, разумеется, ограничено. Но вместе с тем оно никогда не лишает субъектов разного уровня (в том числе и самого низшего) возможностей выбора. В связи с этим выявление реальных институциональных изменений, оценка возможных и вероятных перспектив в этой области должна базироваться на прочном эмпирическом базисе.

Непосредственным фактором институциональных изменений в рамках структурно-деятельностной концепции служит не столько целенаправленная деятельность элит — ведь, как показывает опыт, деятельность даже опытных реформаторов почти никогда не ведет к намечаемым целям, — и не обусловленное ею поведение массовых групп населения, а сложные *массовые трансформационные процессы*, концентрирующие итоги *разнонаправленной*, но и *взаимосвязанной* деятельности множества социальных субъектов. Примерами таких многосубъектных процессов могут служить ход приватизации, развитие предпринимательства, распространение безработицы, поляризация доходов, рост трудовых затрат, натурализация семейного потребления, развитие забастовочного движения и др. [Заславская 1997, с. 288—289]. Массовое поведение оказывает решающее воздействие на трансформацию социальных институтов. Фактически трансформацию любого социального института можно представить как результат устойчивой взаимосвязанной деятельности множества социальных субъектов в соответствующей сфере общественной жизни.

В этом смысле успех реформ зависит от адекватного понимания реформаторами закономерностей протекающих в обществе спонтанных процессов. А для

этого необходимо понять, какие субъекты вносят свою лепту в их протекание, каковы интересы и потребности этих субъектов, в каких условиях они действуют, с какими субъектами и по каким правилам чаще всего взаимодействуют при достижении значимых жизненных целей. В зависимости от характера влияния на трансформационный процесс *субъекты делятся на три группы*: правящую элиту; социально зрелых и активных представителей массовых общественных групп, в первую очередь средних слоев, и остальную часть общества. Каждая группа по-разному участвует в трансформационном процессе. Правящая элита занята *целевой реформаторской деятельностью* (изменением правовых и административных норм, определяющих «правила игры»). Активные представители массовых общественных групп — *массовой инновационно-предпринимательской деятельностью* (т.е. использованием, развитием, закреплением новых норм и правил). Остальная часть общества оказывает влияние на общественные преобразования через *реактивно-адаптационное поведение*, т.е. выбор и реализацию доступных этим субъектам способов адаптации к изменившимся условиям [Заславская 1999, с. 149, 153—154].

В результате, в соответствии с теорией Т.И. Заславской, институциональные перемены реализуются примерно по следующей схеме. В ходе целевой реформаторской деятельности правящей элиты и верхнего слоя бюрократии разрабатываются новые правила игры, эти же группы облачают их в правовую форму и контролирует выполнение формальных правовых норм. Группы, включающиеся в массовую инновационно-предпринимательскую деятельность (предприниматели, менеджеры, чиновники, профессионалы экономической и юридической сфер и др.), реализуют открываемые новыми правилами игры возможности, частично закрепляют, а частично и корректируют проектируемые «верхами» правила игры в направлении собственных интересов. Тем самым они оказывают воздействие не только на реализацию установленных сверху правовых норм, но и на сам процесс формирования новых правил игры [Заславская 2000, с. 223]. Своей инновационной деятельностью эти группы изменяют условия жизнедеятельности и *возможности выбора способов адаптации* к новым условиям *массовых* общественных групп, которые непосредственно не причастны к инновационно-предпринимательской деятельности. Пытаясь приспособиться к новым условиям, эти группы с разным успехом апробируют различные способы поведения. Наименее эффективные из них отпадают, а наиболее эффективные — со временем обретают все большее число сторонников, постепенно становятся устойчивым и массовым элементом новой социальной реальности, указывая на трансформацию прежнего институционального пространства.

Таким образом, многочисленные субъекты микроуровня, включенные в адаптационное и реактивно-протестное поведение, также играют важную роль в институциональных изменениях. Только на первый взгляд эти многочисленные общественные группы не оказывают самостоятельного влияния на ход институциональных реформ и являются «скорее их «заложниками», испытывающими «похмелье в чужом пиру». Однако впечатление о малой роли этих групп в трансформационных процессах в известном смысле обманчиво, так как в действительности они формируют отнюдь не нейтральную по отношению к направленности реформ социальную среду. В зависимости от ситуации, эта среда способна либо ускорять и поддерживать институциональные перемены,

проектируемые и реализуемые более активными группами общества, либо отчуждаться от них и не принимать в них участия, либо сознательно саботировать выполнение не отвечающих ее интересам правил, активно противодействовать их внедрению, де-факто сохранять прежние или формировать новые нелегитимные правила поведения. Поэтому восприятие проводимых реформ массовыми группами населения, их социальное настроение и поведение служат важнейшими характеристиками трансформационного процесса, во многом определяющими ход и результаты реформ» [Заславская 2000, с. 223—224].

То место, которое занимают субъекты микроуровня в институциональных изменениях, порождает множество вопросов, на которые нам предстоит ответить, если ставится задача определить закономерности и возможные перспективы институциональных трансформаций. Какие способы адаптации к новым условиям массовые субъекты сегодня находят наиболее эффективными? Какие из этих способов в настоящее время получили наибольшее распространение и устойчиво воспроизводятся? Насколько востребованными в этих способах поведения оказываются новые права и правила игры? Какие правила игры, в принципе, сегодня наиболее распространены при реализации как инновационных, так и традиционных адаптационных стратегий? Каким правилам-нормам массовые микросубъекты следуют добровольно, а каким — вынужденно, и будь у них выбор (например, правовая защита со стороны государства, сбережения, выбор места работы в монофункциональных поселениях и др.) не стали бы этого делать? Иными словами, какие правила игры массовые субъекты уже интернализировали, а какие — нет (а без этого невозможна полная институционализация новых правил)? И каково обратное воздействие реализуемых адаптационных моделей на характер и перспективы институционализации новых прав и неправовых норм?

3. Массовые адаптационные стратегии и проблемы институционализации новых прав и правил игры

Поскольку новое институциональное пространство, как мы видели, таково, что делает стремление массовых микросубъектов адаптироваться к нему, пусть и вынужденным, но единственно эффективным и универсальным стремлением, а результаты адаптации, в свою очередь, в значительной степени будут сказываться на глубине и перспективах институциональных перемен в следующий момент времени, то характер адаптированности к новым условиям в данном случае становится одним из центральных. В зависимости от уровня и результативности адаптации (динамики значимых возможностей за годы реформ) объединим субъектов микроуровня в три основных типа.

1. *«Прогрессивные адаптанты»* — так назовем тех, кто в новых условиях уже обрел более или менее надежные способы решения (смягчения) жизненных проблем, причем эти способы таковы, что улучшают возможности индивидов жить наиболее подходящим для них образом. Иными словами, они уже воспользовались преимуществами нового институционально-правового (и/или неправового) пространства, и адаптация к нему принесла им больше приобре-

тений, чем потерь. Среди респондентов трудоспособного возраста в крупном городе — их 18 %, в разных сельских районах — от 7 до 22 %.

2. **«Регрессивные адаптанты»** — сегодня также более или менее справляются со своими проблемами, но те способы решения (смягчения) жизненных проблем и трудностей, которыми они овладели, позволяют освоиться с новыми условиями лишь регрессивно, то есть с превышением совокупного «значимого минуса» над совокупным «значимым плюсом» (значимых потерь над значимыми приобретениями). В сельской местности пока это самый многочисленный тип адаптантов — 57 % и более. В тех сельских районах, где он был относительно малочисленным (16—17 %), он «уступал» своих представителей только «регрессивным НЕадаптантам». В крупном городе этот тип, хотя и не охватывает абсолютного большинства, но также наиболее наполненный — 29 % трудоспособного населения.

3. **«Регрессивные Неадаптанты»** — у представителей этого типа в настоящее время нет надежных способов преодоления (смягчения) жизненных проблем и трудностей, они не знают, как жить в тех условиях, в которых очутились сегодня (и тем более завтра). Разумеется, их возможности жить так, как они сами находят наиболее подходящим для себя, за годы реформ уменьшились. Среди респондентов трудоспособного возраста «регрессивных НЕадаптантов» в городе — 18 %, в сельской местности — 17 % и более в Новосибирской области и 56 % — на Алтае.

Постепенно нарастает доля затруднившихся оценить динамику своих возможностей за годы реформ, независимо от уровня адаптированности к современным условиям: в крупном городе она сегодня достигает 16 %. В основном — это вступающая в трудоспособный возраст молодежь, которая не имеет исходной точки для сравнения: «не помню то время», «я еще учился в школе», «в школьные годы над этим особо не задумываешься», «затрудняюсь, я был молод и романтичен», «плохо помню ту жизнь», «мне не с чем сравнивать» и др. Весьма многочисленна и доля индивидов, сохранивших статус-кво (14 % — в городе, 9 % — в селе), которых здесь, как и группу затруднившихся с оценкой динамики своих возможностей, рассматривать не будем.

Успешность адаптации к новым условиям, с одной стороны, свидетельствует об успешности освоения субъектами микроуровня нового институционального пространства, а с другой, — является залогом устойчивости и дальнейшего углубления процесса институционализации новых прав и правил игры. Поэтому для определения социального потенциала институциональных реформ, который сегодня имеется в российском обществе, необходимо прежде всего выявить различия в адаптационных стратегиях разных типов адаптантов, оценить внешние и внутренние факторы (и ограничения) при выборе тех или иных адаптационных стратегий, а также институциональные условия и перспективы расширения числа прогрессивных адаптантов.

С точки зрения хода и возможных перспектив институциональных трансформаций акцентируем следующие важные аспекты современного адаптационного процесса

Первый. Выделенные типы микросубъектов значительно различаются по той актуальности, которую они придают новым правам. Среднее число прав, которые нашли важными «прогрессивные адаптанты» равнялось 5,6 (против 3,5 прав в каждом из «регрессивных» типов). По среднему же числу недостающих прав

они, напротив, уступают другим типам (4 против 6—7). Так что происшедшие за годы реформ изменения в институционально-правовом пространстве большинство «прогрессивных адаптантов» (93 %) находят благоприятными для себя и ни от каких новых прав взамен возвращения старых отказываться не готовы (77 %). Примечательно, что в среднем каждый представитель этого типа уже воспользовался тремя новыми правами (против 1,4—1,7 в регрессивных типах).

Особо велики различия между «прогрессивными адаптантами» и представителями других типов в той важности, которая отводится праву на создание своего дела, частной собственности на средства производства и жилье, праву самому решать, работать или не работать, а хозяйствующим субъектам — самим определять объемы производства, цены на продукцию и размеры заработной платы. Существенны различия и в той значимости, которая придается возможности уехать за границу и беспрепятственно вернуться, а также выражать свои взгляды по любым вопросам, отстаивать свои убеждения и др. (табл. 1).

Второй. Степень *реального* погружения в новое институционально-правовое пространство в современном адаптационном процессе невелика. Конечно, она выше у «прогрессивных адаптантов», чем у «регрессивных». Первые чаще реализовывали право на создание собственного дела (13 % против 0—2 %) и работу в нескольких местах без разрешения с места основной работы (26 % против 8—10 %). Они чаще приватизировали ранее имевшуюся квартиру (38 % против 20—29 %). Имея более высокий материальный статус, они чаще покупали квартиры (19 % против 4—7 %), ездили за границу (24 % против 1 %), учились сами или обучали детей в платном учебном заведении (16 % против 2—4 %), обращались в частное лечебное учреждение или к частному врачу (45 % против 8—11 %). Наконец, они чаще, чем «регрессивные адаптанты» и «Я-адаптанты» обращались к праву свободно, не опасаясь наказания, выражать свои взгляды, отстаивать убеждения (27 % против 7—10 %) и др.

Однако эти различия между типами не нарушают общей тенденции: в современных условиях повсеместно по существу все права реализуются в гораздо меньшей степени, чем можно было бы ожидать, исходя из заявленной их значимости и желания воспользоваться ими. Так, работают (работали) в нескольких местах без разрешения с места основной работы 24 % из числа тех, кто указал на это право как на значимое; 13 % — имеют (имели) собственное дело (в селе — 21 %). Приобрели в частную собственность земельный участок 20 % из числа назвавших это право значимым. Относительно широко представлена и доля тех, кто обращался к тем или иным формам протестных действий (забастовки, митинги, акции протеста, подписи воззваний) — 39 % из числа тех, кто находит это право важным. Не опасаясь наказания, свободно выражают значимое для них право на свои убеждения 31 % респондентов. Получают более полную и достоверную информацию о состоянии дел в стране, в своем поселении 25 % из числа тех, кто указал на это право как на важное. Обратились к частному врачу 32 % из числа тех, кто отнес к значимым право на хорошую платную медицинскую помощь. Учатся сами или учат детей в платном учебном заведении, на контрактной основе 23 % респондентов, для которых это право важно.

Правда, есть два экономических права, реализуемых гораздо большим числом лиц по сравнению с тем, кто находит эти права важными: работа на предприятии, которое само определяет объемы производства, цены, зарплату;

*Массовые адаптационные стратегии...***Таблица 1.** *Актуальность провозглашенных в ходе реформ прав, % к респондентам данного типа*

Права	«Прогрессивные адаптанты»	«Регрессивные адаптанты»	«НЕадаптанты»	Все респонденты
Создать свое дело	64	20	18	36
Частная собственность на землю	32	23	22	29
Частная собственность на другие средства производства	30	10	9	17
Самому решать, работать или не работать	36	21	22	26
Работать в нескольких местах без разрешения с основной работы	46	41	40	42
Производителям самим определять размеры производства, цены на продукцию, размеры зарплаты	28	20	14	22
Приватизация квартиры, купля-продажа жилья	64	49	51	58
Получить хорошую медицинскую помощь на платной основе	35	22	18	28
Платное образование	8	5	5	10
Свобода выбора места жительства, перемещений по стране	36	27	34	36
Уехать из страны и беспрепятственно вернуться	57	24	32	38
Забастовки, митинги, акции протеста	12	14	17	13
Свобода выражать свои взгляды	52	34	33	39
Достоверная информация о состоянии дел в стране	43	36	40	41
Свободное вступление в разные партии, движения, союзы	16	8	11	10
Новые права не нужны	0	17	25	11

а в селе — возможность приватизировать жилье. В самом деле, для наемных работников право руководителей предприятий самостоятельно регулировать размеры зарплаты сегодня нередко оборачивается полным бесправием по отношению к начальству. А приватизация жилья в селе в большом числе случаев была вынужденной: селян заставили приватизировать квартиры в совхозных домах, эти квартиры (дома) сняли с обслуживания, возникшая же при этом «собственность» не ликвидна: уезжая, ее не продашь. В этих случаях включение

в новое институционально-правовое пространство не сказывалось благоприятным образом на динамике значимых жизненных возможностей индивидов и их домохозяйств, а потому и не ценится ими.

Что же чаще всего мешает индивидам воспользоваться теми правами, какие они находят важными? Барьеры, лежащие на стороне индивидов, — возраст, состояние здоровья, семейные обстоятельства (9 %), недостаток знаний, опыта, внутренняя неготовность (16 %), — значительно уступают барьерам, которые лежат на стороне среды. Каждый четвертый респондент не воспользовался важными правами потому, что они существуют лишь «на бумаге», в действительности же пока нет условий для их реализации; 26 % не могут реализовать новые права потому, что пока нет надежных механизмов защиты их интересов со стороны государства. Причем менее сильные «регрессивные» типы нуждаются в таких механизмах в 1,5—1,6 раза чаще, чем «прогрессивные». На первое же место (46 %) все типы адаптирующихся субъектов ставят отсутствие возможностей реализовать новые права из-за недостатка (отсутствия) у них нужных денежных накоплений, возможностей взять кредит и др. Среди «прогрессивных адаптантов» этот ограничитель назвали 29 %, а среди «регрессивных адаптантов» и «неадаптантов» — соответственно 42 % и 49%. Важно отметить, что этот ограничитель сам в значительной степени порожден теми правилами игры, которые реализовывали реформаторы и которые неоднократно приводили к утрате субъектами микроуровня их личных сбережений, нарушению права на своевременность выплаты заработной платы. С последним, в частности, столкнулись 85 % «неадаптантов», 74 % «регрессивных адаптантов» и 51 % «прогрессивных адаптантов».

Третий. Ход и перспективы трансформации институционального пространства определяется не только степенью актуальностью и масштабами реального обращения к новым правам, но и теми *правилами игры*, которые при этом реализуются (формируются) — будь то: доступные (вынужденные и предпочтительные) механизмы обращения к новым правам, способы защиты значимых прав в случае ущемления со стороны других субъектов, отказ (временный или устойчивый) от обращения к новым правам, реализация (предпочтение) иных норм и стратегий социального поведения и пр.

Особенность современной ситуации состоит, как уже отмечалось, в доминировании *неправовых и неформальных* способов поведения. Показательны в этом отношении данные о тех стратегиях защиты (сохранения) своих прав, которые индивиды сегодня находят более эффективными для людей своего положения и круга. Что это за способы? Важная особенность современного институционального пространства состоит в том, что многочисленные группы вообще не видят таких способов: 36 % — в городе, 59 % — в селе. Большая часть (42 %) открыто признали: скорее, обход законов, чем следование им («нужда закона не знает», «нужда закон нарушает», «государство сильнее, а бизнес хитрее»), в том числе 19 % высказались за сочетание незаконных способов с законными. И только 26—29 % все еще твердо убеждены, что «законы превыше всего», а потому уповают исключительно на законопослушные способы восстановления нарушенных прав и освоения нового институционально-правового пространства.

Среди незаконных средств восстановления своих прав велика роль материальной компоненты. Почти половина (47 %) респондентов к числу наиболее эффективных способов защиты прав отнесла деньги («все продается и покупается»).

Массовые адаптационные стратегии...

ется», «за правду плати и за неправду плати»), хотя 15 % из их числа при определенных условиях и допускают возможность защиты прав без денег. В настоящее время только 24 % опрошенных твердо уверены в том, что «берут у того, кто дает» и что можно отстаивать свои права и без денег (или других подношений).

При этом абсолютное большинство (72 %) настроено на по возможности мирное решение вопроса («стену лбом не прошибешь», «дракою прав не будешь»), в то время как 14 %, напротив, находят более эффективным применение силы или угрозы расправы — исключительно или в сочетании с мирными способами защиты своих прав (7 % и 7% соответственно).

В способах восстановления законных прав коллективные стратегии явно доминируют над индивидуальными: 54 % полагают, что «один в поле не воин», и только 11 % — что «кто как хочет, а я по-своему». Еще 17 % высказались за сочетание одного с другим. Однако предполагается, что подобные «коллективы» невелики, скорее, это помощь друзей и знакомых. По крайней мере, 38 % из числа тех, кто за последние 3—4 года пытался как-нибудь защитить (сохранить) свои права, вынужден был решать свои проблемы через знакомых. Массовые формы открытого протеста (забастовки, митинги, собрания и др.) не очень популярны. Только на них указали 20 % респондентов, а на их сочетание со скрытым противодействием — еще 9 %. Примечательно, что скрытое противодействие по принципу «и тихая вода крутые берега подмывает» (менее интенсивный и качественный труд, уход от дополнительных нагрузок, протест при тайном голосовании и др.) признается еще менее эффективным. На этот некогда популярный способ сегодня указали лишь 12 % респондентов. Сейчас работники гораздо чаще предпочитают либо демонстрировать лояльность руководителям, не портить с ними отношений, чтобы не потерять работу (17—21 % — в городе, 34—38 % — в селе), либо просто терпеть и ожидать, что со временем все наладится (31 %). Сильное отставание протестного потенциала от показателей социального недовольства фиксируют и другие исследователи [*Кинсбургский* 1998, с. 94]. В этих условиях многие из новых прав (включая свободу выражать свои взгляды, отстаивать убеждения, право на забастовку, митинги, акции протеста и др.) остаются весьма далекими от реального жизненного пространства индивидов.

Относительная успешность освоения нового институционального пространства «прогрессивными адаптантами» в немалой степени связана именно с тем, что они значительно чаще прибегают к неформальным способам восстановления (или сохранения) своих прав. Так, 37 % из их числа уже решали эти проблемы через знакомых (против 23 % и 19 % у «регрессивных адаптантов» и «неадаптантов»); 18 % доплачивали (деньгами, подарками и пр.) за ускорение решения проблем, связанных с защитой своих прав (против 8 % и 6 % у «регрессивных адаптантов» и «неадаптантов» соответственно). А вот не портить отношений с руководством, чтобы не потерять работу, «прогрессивные» субъекты стремятся гораздо реже «регрессивных» (10 % против 19—22 %).

Другая отличительная особенность «прогрессивных адаптантов» в том, что они не только активнее обращаются к новым правам и неформальным способам их сохранения, но и значительно чаще, чем представители регрессивных типов, комбинируют самые разные стратегии освоения нового институционально-правового пространства. В 2 раза чаще они сочетают обход закона

со следованием ему; в 1,7—3,6 раза чаще — обращение к властям с защитой своих прав, минуя властные коридоры; в 1,8—3,9 раза чаще — коллективные способы защиты прав с индивидуальными; 1,4—2,8 раза чаще — восстановление ущемленных прав за деньги с отказом от каких бы то ни было подношений и др. В целом в случае нарушения законных прав «прогрессивные адаптанты» в 1,7—2 раза реже, чем представители регрессивных типов, ничего не предпринимали, ибо это бесполезно (20 % против 34—41 %).

Так или иначе, неправовое социальное пространство «прогрессивных адаптантов» коснулось гораздо в меньшей степени: многие из них полагают, что в современных условиях их шансы на защиту важных прав даже выше, чем до реформ (41 % против 3—5 % в регрессивных типах). Во всяком случае, по их мнению, отстаивание своих прав, дело, хотя и хлопотное, но не безнадежное (75 %). Только 16 % считают, что сегодня их права нарушаются чаще, чем до реформ (против 59 % и 67 % у регрессивных адаптантов и НЕадаптантов). Кроме того, именно «прогрессивные адаптанты» чаще включаются в неправовые взаимодействия на *взаимовыгодной* основе и, если и несут определенные потери из-за погружения в неправовое поле, то эти потери с лихвой покрываются значимыми приобретениями, которых они были бы лишены в правовом социальном пространстве.

Правда, преимущественно *добровольные* адаптации в данном типе, хотя и превосходят все остальные типы (15 % против 2—3 %), все же характерны для меньшинства. В механизмах социальной адаптации большинства (63 %) есть как добровольные, так и вынужденные элементы («и того, и другого примерно одинаково»), против 27 % и 15 % в регрессивных типах. Более чем каждый пятый (22 %) адаптируется к новым условиям преимущественно вынужденно, только потому, что не в его силах изменить ситуацию (против 69—83 % в других типах). Однако вынужденные механизмы адаптации представителей этого типа к новым условиям не мешают ей складываться в целом конструктивно и расширять индивидуальные возможности в значимых сферах жизнедеятельности. Такое соотношение между механизмами и результатами адаптационного процесса подкрепляется не только сиюминутными преимуществами, которые данная группа смогла извлечь из новых условий, но и оптимизмом относительно будущего. Основная часть (61 %) прогрессивных адаптантов убеждена в преимуществах нового по сравнению со старым («а трудности есть везде и всегда»). Еще 37 %, хотя пока до конца не уверены в преимуществах нового, все же надеются на лучшее.

Целям институциональных реформ, безусловно, отвечало бы расширение числа прогрессивных адаптантов. Но что их отличает от других групп россиян? Больше трудолюбие и прогрессивность ценностных ориентаций, позволившие активнее откликнуться на лозунг «чтобы хорошо жить, нужно много и хорошо работать», который декларировался «верхами» на заре общественных преобразований? Или, быть может, большее значение имеют другие, менее зависящие от личностных особенностей ресурсы индивидов?

Как показали исследования, в динамике затрачиваемых усилий в новых условиях по сравнению со старыми между прогрессивными и регрессивными типами адаптирующихся сегодня много общего. В большинстве случаев трудовые усилия возросли как у тех, так и у других. Так, более половины «*прогрессивных адаптантов*», «*регрессивных адаптантов*» и «*НЕадаптантов*» (56 %, 64 % и

Массовые адаптационные стратегии...

65 % соответственно) за последние 3—4 года стали больше работать по месту основной работы; 14 %, 10 % и 9 % соответственно — работают в нескольких местах; велика доля лиц, использующих любую возможность подзаработать (41 %, 39 % и 49 % соответственно). Иными словами, успешность адаптации к новым условиям связана не столько с различиями в *объеме* трудовых усилий, сколько с различиями в каких-то других отношениях.

Прежде всего, бросаются в глаза различия в *стратегиях* реализации *возросших* трудовых усилий. За последние 3—4 года «прогрессивные адаптанты» гораздо чаще, чем представители регрессивных типов, повышали квалификацию (33 % против 14—16 %), обучались другой профессии/специальности (19 % против 5—8 %), переходили на работу в частную фирму или к частному лицу (15 % против 4—5 %), создавали и расширяли свое дело (13 % против 0 %). В это время «регрессивные адаптанты» и «НЕадаптанты» больше трудились на садово-огородном участке, в личном подсобном хозяйстве (25 % и 36 % против 12 % у «прогрессивных адаптантов»), они чаще увеличивали нагрузку на основной работе. Иными словами, увеличение трудовых затрат у «прогрессивных адаптантов», даже если оно и происходило по месту основной работы, чаще было сопряжено с активным осваиванием *нового* профессионального и нетрадиционного социального пространства (повышением квалификации, переобучением, сменой места работы, созданием своего дела и др.). Представители регрессивных типов чаще увеличивали свои усилия в *традиционном* профессиональном и социальном пространстве: работа по прежней профессии, с прежней квалификацией, не в частных структурах, возрастание занятости на садово-огородном участке и личном подсобном хозяйстве.

Не случайно поэтому абсолютное большинство «регрессивных адаптантов» и «НЕадаптантов» (78 % и 90 %) указали, что за годы реформ у них стало больше жизненных трудностей и препятствий, которые им преодолеть пока не под силу (против 30 % — у «прогрессивных адаптантов»), а основная их часть (49 % и 67 %) считает, что дореформенные жизненные трудности и ограничения легче было преодолевать, чем современные (против 12 % — у «прогрессивных адаптантов»). Воспроизводство *прежних* моделей трудового поведения, несмотря на рост трудовых усилий в формальной и неформальной сферах, зачастую не позволяет им удержаться на плаву, не дает извлечь каких-то значимых преимуществ от новых условий.

Различная значимость, которая придается сегодня новым правам и правилам игры для адаптации и продвижения в значимом жизненном пространстве, в значительной степени отражает различия между «прогрессивными» и «регрессивными» субъектами в *ценностно-нормативном отношении*. Как видно из содержания провозглашенных в ходе реформ прав, они по природе своей предполагают включение индивидов в *самостоятельные и независимые действия и состояния*. Поэтому степень и перспективы интернализации и институционализации новых прав в значительной степени будут определяться местом самостоятельности и независимости в значимом жизненном пространстве индивидов в современных условиях, будь то: *самоценность* подобных действий и состояний или признание их более эффективным (по сравнению с менее самостоятельными и более зависимыми социальными действиями и состояниями) *способом* достижения действительно важных в данный момент целей (ценностей).

На первом месте по частоте упоминания в значимом жизненном пространстве — и у «прогрессивных», и у «регрессивных» адаптантов — возможность улучшить материальное положение семьи (65 % и 82—85 % соответственно) и стабильность жизни, дающая уверенность в завтрашнем дне (61 % и 73—75 %). Однако если «прогрессивные» субъекты в большинстве случаев (60 %) добавляли сюда еще и самостоятельность, возможность занять такие позиции в обществе, которые позволяют быть хозяином своей судьбы, рассчитывать на свои силы и инициативу, то «регрессивные адаптанты» и *НЕ*адаптанты» включали эту ось в значимое жизненное пространство значительно реже (28 % и 22 % соответственно).

Самостоятельные и независимые социальные действия и состояния вообще пока в большинстве случаев лежат за пределами значимого жизненного пространства. Возможность быть самостоятельным, рассчитывать на свои силы и инициативу, быть хозяином судьбы среди важнейших в городе назвали лишь 36 % респондентов трудоспособного возраста, а возможность противодействовать несправедливым действиям руководства вообще оказалась на предпоследнем месте, набрав всего 9 % голосов. Примечательно, что в сельской местности наблюдалась аналогичная картина (33 и 6 % соответственно). Относительно невысокая значимость самостоятельности и независимости — даже на фоне демонстрируемой лояльности к либеральным правам, — сама по себе уже указывает на то, что при сохранении нынешних условий эти права еще долго будут занимать второстепенное место в значимом жизненном пространстве индивидов или же вообще находиться за его пределами.

На втором месте, как у «прогрессивных», так и у «регрессивных» микро-субъектов, — возможность получить (или дать детям) хорошее образование (51 % и 56—58 % соответственно) и работать по подходящей профессии, специальности (50 и 55—57 %). На третьем месте — безопасность жизни (42 % и 41—50 %) и улучшение жилищных условий (44 % и 35—46 %), которые у «регрессивных» экономических субъектов дополнялись возможностью получить хорошую медицинскую помощь (47—54 %), а у «прогрессивных» — трудовой самореализацией, работой в полную силу, реализацией способностей (44 % против 31—35 % у «регрессивных»).

Таким образом, в значимом жизненном пространстве субъекты из регрессивных типов относительно чаще делают акцент на материальной, образовательной и медицинской осях, а также оси стабильности жизненных позиций. Отличительная особенность «прогрессивных адаптантов» — в той важности, которую они отводят осям самостоятельности и трудовой самореализации, то есть изменениям в возможностях *социального действия* в новых условиях по сравнению со старыми. Примерно в равной мере обе группы принимают во внимание профессиональную, жилищную ось и ось безопасности.

А вот многие из в принципе значимых для индивидов возможностей не попали в группу важнейших и сегодня находятся на обочине значимого жизненного пространства. Так обстоит дело с возможностью поступать по своим моральным принципам, убеждениям (22 % у «прогрессивных» и 10—12 % у «регрессивных»), возможностью отстаивать свои права законными способами (20 % и 14—19 %), противодействовать несправедливым действиям руководства, быть независимыми от них (3 % и 9—18 %), открыто отстаивать свои взгляды и убеждения (13 % и 6—12 %), регулярно ездить в другие поселения на отдых,

к родным (9 % и 16—21 %), мигрировать (9 % и 1 %) и др. Периферийное место, которое в современных условиях занимают эти возможности в значимом жизненном пространстве индивидов, определяет относительно неблагоприятные перспективы институционализации и интернализации многих провозглашенных в ходе реформ неэкономических прав.

Что касается социально-экономических прав, то, судя по тому, что ядро значимого жизненного пространства индивидов приходится на пространство социально-экономическое, их шансы на интернализацию и институционализацию, в принципе, выше, чем остальных прав, но при одном «но». Эти шансы реализуются только в том случае, если эти права и предполагаемые ими новые правила игры будут облегчать продвижение индивидов в *значимом* для них отношении или/и предоставлять им ранее неведомые значимые возможности.

Итак, современный адаптационный процесс имеет преимущественно индивидуально-семейный характер: представители и «прогрессивных», и «регрессивных» типов, хотя бы они того или нет, осваиваются с новыми условиями самостоятельно, без опоры на помощь властей. Опора на собственные силы в большей мере отвечает ценностным ориентациям «прогрессивных адаптантов». Однако это не единственный источник их успеха в новом институциональном пространстве.

Успешность адаптации одних групп и безуспешность других в значительной степени связана с особенностями институционально-структурной политики реформаторов. Ее следствием стали, в частности, большие различия между «прогрессивными» и «регрессивными» типами адаптантов по отраслевой принадлежности их места работы, а также профессионально-должностному статусу. Не случайно отличительная особенность «прогрессивных адаптантов» — высокая доля занятых в финансово-торговой сфере (31 %). Если в других типах в финансах не занят никто, то здесь — почти каждый пятый (18 %). По доле занятых в торговле (13 %) он также обгоняет другие типы: в 1,6 раза «регрессивных адаптантов» и в 4,3 раза — «регрессивных НЕадаптантов». А вот доля занятых в промышленности здесь наименьшая (14 %) и уступает регрессивным типам соответственно в 2,5 и 3,4 раза. Почти каждый четвертый «прогрессивный адаптант» — руководитель, а каждый третий — специалист. Причем по доле руководителей в своем составе они намного превосходят регрессивные типы: почти в 2 раза «регрессивных адаптантов» и в 8 раз «регрессивных НЕадаптантов». По доле специалистов превышение — в 1,5 раза. Доля рабочих здесь, напротив, минимальна: неквалифицированных — почти нет, а квалифицированных — лишь 14 %. что в 3,2—3,7 раза меньше, чем в регрессивных типах. О различиях по месту постоянного жительства уже говорилось.

4. Современный адаптационный процесс и перспективы институциональных перемен

Итак, субъекты микроуровня вносят важный вклад в институционализацию как новых прав, так и неформальных, часто неправовых, норм социальных взаимодействий. Благодаря той области свободы, которой (формально и неформально) располагают субъекты с разным объемом ресурсов, они «примеряют

на себя» новое институциональное пространство и в поисках своей социальной ниши по мере сил «перекраивают» его, внося (порой существенные) коррективы в формальные и реальные правила игры.

Судя по частоте реального обращения субъектов микроуровня к провозглашенным в ходе реформ правам, возникает впечатление, что первые шаги по трансформации институционального пространства в западном направлении уже сделаны. В самом деле, новые права стали необходимым атрибутом нового институционального пространства. Однако, если судить по доминирующим моделям реализуемого при этом поведения, глубина институциональных трансформаций отнюдь не такова, как могло бы показаться, если исходить из формальных признаков. Современное институциональное пространство напоминает либеральное больше по форме, чем по содержанию.

Явное несоответствие между формой и содержанием сопряжено прежде всего с тем, что, обращаясь к новым правам или пытаясь отстаивать свои законные права, индивиды в большом числе случаев включаются (вынужденно или добровольно) в такие правила игры, которые принципиально отличаются от предписываемых западной общественной традицией правил. Причем, даже в тех случаях, когда обращение к новым правам выступало способом *конструктивной* адаптации к новым условиям. В доминирующих моделях поведения — и в случае обращения к новым правам, и в случае нарушения (защиты) значимых социально-экономических прав — устойчиво воспроизводятся старые отношения господства-подчинения, право сильного. До моделей поведения, присущих равноправным партнерам, им, разумеется, далеко. Другая устойчивая модель массового адаптационного поведения — *неформальные* (в т.ч. незаконные) способы достижения важных жизненных целей.

Использование новых прав в современных условиях нередко сопряжено не с уменьшением, а, напротив, с еще большим усилением зависимости от властей, а также с ростом незащищенности как от противоправных действий властей, так и от сугубо преступных элементов. Поэтому в настоящее время обращение к новым правам в большом числе случаев либо небезопасно, либо сопряжено со значимыми потерями и дополнительными препятствиями, способными затруднить продвижение индивидов (домохозяев) в более значимом жизненном пространстве.

Спрос на некоторые новые права носит отложенный характер, несмотря на лояльное к ним отношение. В ходе современных реформ большие группы лишились первостепенных социально-экономических прав, и в этих условиях им либо вообще нет дела до «западных» прав, либо они, хотя и желаемы, но не доступны. В значимом жизненном пространстве сегодня доминируют социально-экономические компоненты (цели, интересы, факторы, ограничители) над социально-политическими. Неслучайно поэтому в значимом институционально-правовом пространстве лидируют *социально-экономические* права (новые или утраченные старые).

Современные адаптации массовых микросубъектов представляют собой преимущественно самостоятельный (индивидуально-семейный) процесс. В настоящее время регрессивная динамика, независимо от адаптированности или неадаптированности, превалирует даже у лиц, избравших основным способом адаптации к новым условиям увеличение трудовой нагрузки (на основной и дополнительной работе, на садово-огородных участках и ЛПХ, и др.). Низкая

результативность добровольных и вынужденных социальных адаптаций свидетельствует о том, что *только опора на собственные силы* не позволяет индивидам успешно преодолевать современные социальные ограничители (в том числе и неправовые), что сдерживает институциональные реформы. Поэтому в перспективе возрастание прогрессивных и добровольных адаптаций, а также снижение доли неадаптантов будет зависеть не столько от индивидуальных усилий людей, сколько от особенностей институционально-структурной политики государства, влияние которой будет смягчаться или усиливаться статусными факторами домохозяйств и индивидов (территориальными, профессионально-должностными, отраслевыми, образовательными, возрастными и пр.).

Относительно невысокая значимость самостоятельности и независимости — даже на фоне демонстрируемой лояльности индивидов к либеральным правам, — указывает на относительно неблагоприятные перспективы углубления (расширения) их интернализации и институционализации при сохранении существующих условий. В будущем шансы на интернализацию новых прав будут тем выше, чем больше они будут способствовать продвижению индивидов на действительно значимых для них осях (преимущественно социально-экономических). Важно, чтобы индивиды быстрее достигли таких позиций на них, которые создадут им своеобразный тыл, позволяющий оторваться от материально-бытовых проблем и нищеты и по заслуге оценить новые права, а вместе с ними — самостоятельность и независимость в их западном понимании. В этом смысле либерализация российского общества в западной трактовке этого слова может произойти лишь по мере и на основе его подлинной либерализации, соответствующей пониманию свободы самими россиянами.

На *ценностно-деятельностном* уровне пока сохраняется потенциал и для интернализации западных прав, и для роста самостоятельности как самоценного состояния и способа достижения значимых жизненных целей. Во-первых, еще далеко не все желающие воспользовались новыми правами, а во-вторых, не все воспользовавшиеся ими имеют возможность отстоять полученные и важные для них права законными способами. В результате велика доля тех, кто включаются в неправовые действия вынужденно и испытывают от этого внутренний дискомфорт. В то же время уже сегодня весьма многочисленная группа респондентов чувствует себя комфортнее, когда имеет возможность действовать самостоятельно, обходиться без помощи других людей и ни от кого не зависеть.

Будут ли в перспективе разные группы активнее обращаться к новым правам, покажет время. При сохранении существующих условий ценностно-деятельностный потенциал для интернализации новых прав так и останется нереализованным, а потенциал для роста самостоятельности, если и реализуется, то, вероятнее всего, в неправовом социальном пространстве, способствуя дальнейшему воспроизводству институционально-*НЕ*правовой свободы.

Литература

Бергер П.Л. Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива / Пер. с англ. под ред. Г.С. Батыгина. М.: Аспект Пресс, 1996.

- Брукнер К.* Представление о человеке и концепция социума: два подхода к пониманию общества // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Т. 1. Вып. 3.
- Валицкий А.* Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX-начала XX века // Вопросы философии. 1991. № 8.
- Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1995.
- Гаджиев К. С.* Эпоха демократии? // Вопросы философии. 1996. № 9.
- Гекер Дж.Ф.* Вклад Н. Кареева в социологию // Рубеж. Альманах социальных исследований. 1992. № 3.
- Заславская Т. И.* Социальный механизм трансформации российского общества // Заславская Т.И. Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри / ВЦИОМ, МВШСЭН. М., 1997. Или: Социологический журнал. 1995. № 3.
- Заславская Т. И.* Трансформационный процесс в России: социоструктурный аспект // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука. Сиб.предприятие РАН, 1999.
- Заславская Т.И.* О роли социальной структуры в трансформации российского общества // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2000.
- Капелюшников Р. И.* Институциональная природа переходных экономик: российский опыт // Кто и куда стремится вести Россию?.. Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001.
- Кинбурский А.В.* Социальное недовольство и потенциал протеста // Социологические исследования. 1998. № 10.
- Ключевский В.О.* Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М.: Мысль, 1993.
- Левада Ю.А.* 1989—1998: десятилетие вынужденных поворотов // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Логос, 1999.
- Междевский А.А., Гирич С.А., Мизерий А.И.* Граждане и эксперты о коррупции // Социологические исследования. 1999. № 2.
- Монсон П.И.* Лодка на аллеях парка: Введение в социологию / Пер. со швед. М.: Весь Мир, 1994.
- Радаев В.* Теневая экономика в России: изменение контуров // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 1.
- Рывкина Р.В.* От теневой экономики к теневому обществу // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 1. «Серый кардинал» и его ПАПА. Геннадий Бурбулис вспоминает о годах работы с Борисом Ельциным. Беседовал Дмитрий Макаров // АиФ. 2000. № 30.
- Собянин С.* Кто правит Россией? / Аргументы и факты. 1998. № 30.
- Стратегия для России: повестка дня для Президента. 2000. М.: Изд-во Вагриус, 2000.
- Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998.
- Хлебников Л.* Крестный отец Кремля Борис Березовский или История разграбления России. М.: Детектив-Пресс, 2001.
- Шабанова М.А.* Социология свободы: трансформирующееся общество. М.: МОНФ, 2000.
- Ядов В.* Теоретическая социология в России: проблемы и решения // Общество и экономика. 1999. №3—4.
- Collins Rendell (ed.).* Three Sociological Traditions. Selected Readings. New York — Oxford: Oxford University Press, 1985.
- Cuff E.C. & Payne G.C.F. (ed.)* Perspectives in Sociology. 2nd ed. L., Unwin Hyman, 1984.
- Friedman M.* Capitalism and Freedom / With the assistance of Rose D Friedman Chicago and London: The University of Chicago Press, 1982.
- Giddens A.* Agency, institution and time-space analyses // Advances in Social Theory and Methodology. Toward an Integration of Micro- and Macro-Sociology. L., 1981.